

Владимир Кожевников

Реформы (1980–1981)

Владимир Кожевников
Реформы (1980–1981)

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Реформы (1980–1981) / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Сюжет 5-ой книги саги «Перенос»: 1980 год. Москва задыхается от жары и дефицита, афганская война высасывает последние силы из страны. Дмитрий Соколов, уже прошедший огонь, воду и медные трубы советской системы, готовит свой главный проект — пилотную автоматизацию сельского хозяйства. Но старый враг Баранов не дремлет: он блокирует инициативу в Госплане, устраивает обыск, пытается перекрыть кислород. Проект проваливается. Поражение кажется полным. Однако Дмитрий находит новый смысл. Вместо того чтобы штурмовать бюрократические стены, он создаёт «школу» — сеть молодых реформаторов, которые через десять лет изменят страну изнутри. Он учит их конспирации, аналитике, искусству ждать. Он передаёт свои знания приёмному сыну Алёше, понимая, что перемены требуют времени и терпения. В финале — короткое письмо от Горбачёва, дающее надежду. Книга о том, как поражение становится началом новой стратегии, а борьба уходит в тень — чтобы однажды выйти на свет.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аналитическая тишина	5
Глава 2. Весенняя встреча	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Реформы (1980–1981)

Глава 1. Аналитическая тишина

Январь 1980 года вступил в Москву с лютыми, трескучими морозами, каких не помнили старожилы. Говорили, что столбик термометра опускался до минус тридцати пяти, и даже в полдень солнце висело над городом бледным, бессильным диском, не дающим тепла. Дым из труб поднимался вертикально вверх и застыл в воздухе, словно серые сосульки, ломающиеся от собственной тяжести. По утрам в подъездах замерзала вода в трубах, и жильцы грели их паяльными лампами, ругаясь сквозь зубы.

Дмитрий Соколов стоял у окна своего кабинета в НИИ «Геофизика» и смотрел на заснеженный двор. За стеклом, покрытым причудливым морозным узором, дворник в поношенном ватнике и драной ушанке методично сгребал снег в кучи. Его движения были ритмичными, почти медитативными — лопата втыкалась в снег, поднимала белую массу, перебрасывала в сторону. Дмитрий вдруг поймал себя на мысли, что завидует этому простому, ясному ритуалу. Дворник знал, что ему делать завтра, через неделю, через месяц. Его жизнь была предсказуема и понятна. А его собственная жизнь — сплошная неизвестность, где каждый день приносил новую угрозу или новый выбор.

Четыре года прошло с того дня, как он очнулся на кушетке в милицком участке на Тверской, с паспортом на имя Соколова Дмитрия Игоревича и с запиской в кармане: «Дима, это шанс. Не ищи пути назад. Его нет». Четыре года борьбы, адаптации, потерь и маленьких побед. Ирина ушла, оставив ему Алёшу и чувство вины, которое он научился носить в себе, как тяжёлый камень, который нельзя сбросить, но можно привыкнуть к его тяжести. Каждую ночь, засыпая, он видел её лицо, её улыбку, слышал её голос, и просыпался с мокрыми глазами. Но он научился не показывать этого Алёше. Для сына он должен быть сильным.

Баранов был временно нейтрализован — после того как Лавров из ГКНТ вмешался в прошлом году и заставил отозвать жалобу, его отправили в длительную командировку на Дальний Восток. Но Дмитрий знал: такие, как Баранов, не исчезают. Они просто ждут. Как пауки в тёмных углах, они терпеливо плетут свои сети, собирают нити, выжидают момента для удара. Баранов вернётся. Это было так же неизбежно, как смена сезонов.

Его жизнь за эти годы превратилась в ровную, почти монотонную череду дней: утром — институт, днём — лаборатория, вечером — уроки с Алёшей, который уже учился во втором классе и с поразительной быстротой осваивал математику, которую Дмитрий преподавал ему по собственной методике. Мальчик был смыслённым, любознательным, и иногда Дмитрий ловил себя на том, что видит в его глазах тот же огонь, который горел в его собственных, когда он был молод и верил, что может изменить мир. По ночам, когда Алёша засыпал, Дмитрий садился за старенькую пишущую машинку «Москва» и печатал аналитические записки — сухие, фактологические, без политических оценок, но с убийственной логикой.

Именно в них он теперь видел свой главный смысл. Он больше не пытался пробить стену лбом, не лез в политику, не раздавал откровенных прогнозов. Он работал как вода — обтекал преграды, просачивался в щели, заполнял пустоты. Его записки о дефиците, о неэффективности плановой экономики, о необходимости децентрализации и внедрения хозрасчёта уходили в ЦК через Лаврова и Серёжу, но так, чтобы следы вели к «неизвестному эксперту». Он знал, что Горбачёв читает их — иногда в ответных записках мелькали обтекаемые формулировки, но Дмитрий уже научился читать между строк. «Ваши наблюдения заслуживают внимания»,

— писал Горбачёв, и Дмитрий понимал: это значит, что он согласен, но не может сказать этого прямо.

В то утро, когда дворник за окном методично разгребал сугробы, Дмитрий перечитывал свежий номер «Правды». На первой полосе — фотография Брежнева, который выглядел всё более дряхлым, и заголовок о выполнении планов пятилетки. Но Дмитрий знал, что реальные планы рушатся. Афганистан высасывал из страны миллиарды рублей, в магазинах уже начинал исчезать даже хлеб, а в очередях за колбасой люди стояли с четырёх утра, кутаясь в тулупы и валенки. Он вспомнил, как вчера Алёша спросил, почему в гастрономе нет любимых конфет, и Дмитрий, вместо того чтобы объяснять про дефицит и войну, просто сказал: «Подожди, сынок, скоро всё будет».

Но он не знал, будет ли. Он знал, что через десять лет страна окажется на грани развала, что система, которую он пытался реформировать, рухнет под собственной тяжестью. Но он также знал, что есть люди, которые хотят перемен. И он хотел быть среди них.

За дверью слышались шаги, и в кабинет, не постучавшись, вошёл Серёжа Королёв. За прошедшие годы он раздался в плечах, отрастил аккуратные усы и выглядел уже не как вечно взъерошенный техник, а как солидный научный сотрудник — в рубашке с галстуком, с портфелем из чёрной кожи, с очками в тонкой металлической оправе. Но в глазах его по-прежнему читалась та же настороженность, что и при первой их встрече, когда они вместе чинили старые телевизоры и боялись каждого звонка в дверь. Серёжа закрыл дверь, положил на стол папку с грифом «Секретно» и, понизив голос, произнёс:

— Дима, Баранов вернулся. С Дальнего Востока. Официально — командировка по линии Министерства геологии, но все знают, что это была ссылка. Теперь он рвётся обратно. Он уже начал собирать досье на всех, кто имел отношение к твоим проектам. Только что мне позвонил наш информатор из Госплана — сказал, что Баранов встречался с Козыревым, заместителем председателя. Они обсуждали тебя.

Дмитрий откинулся на спинку стула, который жалобно скрипнул под его весом. На столе, рядом с папкой, лежала стопка исписанных листов — черновики новой аналитической записки. Он перевел взгляд на Серёжу.

— Козырев? Я о нём слышал. Старый кадр, из брежневской гвардии. Консерватор до мозга костей. Он считает любые изменения ересью.

— Именно, — Серёжа сел на стул, положил руки на колени. — Он видит в тебе угрозу — не как личность, а как носителя «нездоровых идей». Баранов убедил его, что ты — агент западного влияния, что твои проекты ведут к подрыву основ. Они хотят устроить тебе публичный разнос на ближайшем совещании по внедрению АСУ в геологоразведке. Проверка хозрасчётных операций — это только первый шаг. Они хотят тебя сломать.

Дмитрий усмехнулся — горько, без веселья. Он потёр переносицу, чувствуя, как нарастает головная боль.

— Мы вчера с юристом всё проверили. Внебюджетные заказы оформлены правильно. Но я понимаю: им нужен не факт, а процесс. Они могут затянуть проверку на год, и мы потеряем время. А время, Серёжа, сейчас важнее всего.

— Что ты предлагаешь?

— Я подготовлю письмо в Госплан с обоснованием наших работ как экспериментальных, — сказал Дмитрий, вставая и подходя к шкафу. — Это законно. И я попрошу Лаврова подписать его как главу отраслевого направления. Он авторитетен, его слово весомо.

— Лавров сейчас в больнице, — напомнил Серёжа. — У него язва, он с начала января на бюллетене. Ты же знаешь, он в прошлом году так перегорел, что едва не схлопотал инфаркт. Ему сейчас не до нас.

— Тогда я напишу от имени лаборатории и отправлю через его секретаря. Формально он ещё числится действующим. Это даст нам защиту, — ответил Дмитрий, доставая чистый лист бумаги.

Серёжа кивнул, но в его взгляде читалось сомнение. Он явно хотел сказать что-то ещё, но не решался. Наконец он произнёс:

— Дима, Баранов вернулся не просто так. Он ищет реванша. И он не простит тебе того, что ты выжил, когда другие ломались. Ты знаешь, что говорят в коридорах? Что у него есть компромат на многих, и он не остановится ни перед чем.

— Я выжил не только благодаря себе, — тихо ответил Дмитрий, откладывая ручку. — У меня были вы, Ирина, Алёша. Теперь Алёша — моя единственная связь с чем-то настоящим. Ради него я обязан быть осторожным, но не трусливым. Если я сейчас отступлю, Баранов выиграет. И тогда он доберётся и до Алёши.

Он встал, подошёл к железному шкафу и достал толстую папку с надписью: «Аналитические записки. 1979–1980». На обложке были видны пятна от кофе и замятые уголки — он перечитывал их десятки раз, возвращаясь к цифрам, перепроверя каждую запятую.

— Вот, посмотри. Это новый пакет для Горбачёва. Я провёл анализ эффективности капиталовложений в агропром за последние пять лет. Цифры, Серёжа, убийственные: на каждую тонну зерна мы тратим в три раза больше средств, чем США. Если внедрить систему автоматического учёта и прогнозирования, можно сократить потери на двадцать процентов. Я предлагаю конкретный план — пилотный проект в одной из областей. Но, как я понимаю, мы не можем ждать, пока Госплан проснётся. Нужно искать обходные пути.

Серёжа взял папку, пролистал несколько страниц. Его глаза расширились.

— Дима, это же... это почти перестройка управления сельским хозяйством. Это слишком смело. Если это попадет не в те руки, тебя обвинят в антисоветской пропаганде.

— Горбачёв уже видел эти цифры. Ему нужно только конкретное решение. Мы дадим ему это решение. Он не может действовать в открытую, но он может поддержать нас косвенно. Я знаю, что у него есть люди в регионах, которые готовы экспериментировать. Нам нужно только найти их и убедить.

— А кто будет внедрять? У нас нет агрономов.

— Мы сделаем через институт. Я напишу методику, программу, а внедрять будут местные специалисты. Мы можем создать временную группу при НИИ, отправить её в область, проанализировать процессы, предложить изменения. Всё в рамках наших полномочий.

Серёжа покачал головой, но в его глазах загорелся тот же огонь, что и четыре года назад, когда они начинали подпольный бизнес по ремонту техники.

— Хорошо. Я найду людей. Но нам нужна защита сверху. Без неё мы не продержимся и месяца.

— Она будет, — сказал Дмитрий. Он замолчал, глядя в потолок, потом добавил: — У меня есть договорённость. Не спрашивай с кем, просто знай. Есть люди, которые верят в то, что мы делаем. Они помогут.

Серёжа кивнул и вышел, оставив Дмитрия одного в тишине кабинета. Дверь за ним закрылась, и снова стало слышно только тиканье настенных часов «Янтарь» с кукушкой, которую он так и не научился правильно заводить. Кукушка время от времени вылетала, издавая хриплый, надтреснутый звук, и Дмитрий улыбнулся — это было привычно, уютно, по-домашнему. Он подошёл к окну.

За стеклом кружились редкие снежинки, и в мутном свете уличных фонарей они казались призраками. Дмитрий вспомнил письмо, которое получил неделю назад от анонимного корреспондента — конверт без марки, опущенный в почтовый ящик. Внутри — короткая записка, напечатанная на машинке: «Весной будет встреча. Не отказывайтесь». Он не знал, откуда она, но почерк был знакомым — тем же, что на старых записках от К.А. Виктор Иванович ушёл

из жизни два года назад, но кто-то продолжал его дело. Может быть, это был новый связной. Может быть, ловушка. Но он решил, что пойдёт на встречу — потому что у него не было других вариантов.

Он закрыл глаза и вдруг остро, до боли, вспомнил Ирину — её улыбку, её голос, когда она говорила: «Ты нужен там». Он вспомнил, как они сидели на её кухне, пили чай с мятой, как она держала его за руку, как он обещал ей, что всё будет хорошо. Он не сдержал обещания. И это чувство вины жило в нём каждый день, как незаживающая рана.

И тут же мысль перекинулась на Алёшу. Мальчик сегодня утром, перед школой, вдруг обнял его и сказал: «Папа, я тебя очень люблю». Эти слова прозвучали так просто и так искренне, что Дмитрий почувствовал, как слёзы подступают к глазам. Он заставил себя успокоиться. Он не имел права раскисать. Ради них — и ради страны, которая ждала перемен, — он должен был быть сильным.

Он сжал пальцы на подоконнике, чувствуя холод металла, и прошептал:

— Мы справимся. Мы вытащим эту страну, даже если для этого придётся работать по ночам. Мы не сдадимся.

Он развернулся, подошёл к столу и сел писать письмо в Госплан. За окном начиналась метель, и в этом белом шуме ему слышался голос будущего — тревожный, неясный, но обещающий.

Глава 2. Весенняя встреча

Март 1980 года выдался в Москве на редкость ранним и тёплым. Снег сошёл уже к середине месяца, обнажив мокрую, чёрную землю, из которой там и сям пробивалась робкая зелень — первые подснежники, которые, казалось, вылезли на свет раньше времени. По улицам побежали ручьи, и дворники, чертыхаясь, сгоняли в кучи мокрую, серую кашу, которая осталась от сугробов. Воздух пах талой водой, мокрым деревом и чем-то ещё — то ли дымом, то ли первым весенним теплом, которое пришло слишком рано и потому казалось обманчивым.

Дмитрий стоял на перроне Курского вокзала, кутаясь в старое пальто, которое уже не спасало от пронизывающего ветра, и смотрел на прибывающий поезд из Ленинграда. Вокзал гудел, как растревоженный улей: объявления по громкой связи, крики носильщиков, плач детей, гудки паровозов. Пахло мазутом, дешёвым табаком и нагретым металлом. Он купил у киоска за пять копеек «Литературную газету» и стоял, делая вид, что читает, хотя глаза скользили по строчкам, не вникая в смысл.

Он ждал этого дня с той самой минуты, как получил анонимное письмо. Оно пришло в январе, без обратного адреса, на простом листе бумаги, но с тем же почерком, что и старые записки от К.А. За два месяца он перечитал его десятки раз, пытаясь угадать, кто стоит за ним, но так и не пришёл к определённому выводу. Единственное, что он знал: это не было ловушкой. К.А. никогда не ошибалась — или, по крайней мере, её ошибки не стоили ему жизни.

За эти два месяца многое изменилось. Баранов не оставлял попыток надавить. Он инициировал проверку хозрасчётных операций лаборатории, но письмо Дмитрия в Госплан, подписанное Лавровым (тот ещё лежал в больнице, но его секретарь поставил факсимиле), временно приостановило процесс. Проверку отложили до лета, и Дмитрий понимал: это лишь отсрочка. Но он использовал её, чтобы завершить аналитическую записку по агропрому — ту самую, что лежала сейчас в его портфеле, готовая к передаче. Он также успел составить список кандидатов для своей будущей «школы» — пока лишь наброски, имена, которые он вспомнил из научной литературы и рекомендаций Серёжи. Там были молодые учёные, инженеры, экономисты, которые в своих статьях и диссертациях проявляли смелость мысли — и это привлекло к ним внимание не только Дмитрия, но и, возможно, КГБ.

Поезд замедлил ход, лязгнул тормозами, и из вагонов повалили пассажиры — люди с чемоданами, авоськами, дети, бегущие впереди родителей. Дмитрий всматривался в каждое лицо, но не находил того, кого искал. Он уже начал сомневаться, не обманули ли его, когда вдруг заметил его — мужчину лет пятидесяти, в дорогом сером пальто, с портфелем из натуральной кожи и аккуратной седой бородкой. Он шёл неторопливо, с лёгкой хромотой на левую ногу, и Дмитрий почувствовал, как земля уходит из-под ног, — это был Виктор Иванович, тот самый связной К.А., который, по официальным данным, скончался два года назад от сердечного приступа. Дмитрий помнил, как ему сообщили о его смерти — короткая записка от К.А.: «Виктор Иванович больше не сможет нам помогать. Скорбим». И вот он стоит здесь, живой и невредимый.

Дмитрий подошёл к нему, стараясь не привлекать внимания, и тихо спросил:

— Вы... вы же умерли?

Виктор Иванович усмехнулся — той же хитрой усмешкой, что Дмитрий помнил по их встречам в Москве, — и его глаза, на мгновение ставшие холодными, тут же потеплели.

— Для одних — да, Соколов. Для вас — нет. Но это не главное. Идёмте, здесь слишком много ушей. Проверяйте хвосты, как я вас учил.

Они вышли с вокзала, и Дмитрий, как всегда, сделал круг по площади, дважды пересёк улицу, заглянул в витрину гастронома, проверяя отражения. Убедившись, что за ними никто не следует, он сел в старую серую «Волгу» с затемнёнными стёклами, которая ждала их у выхода.

Машина тронулась, и они поехали по мокрым улицам, мимо старых домов с облупившейся штукатуркой и свежих плакатов с портретами членов Политбюро. Где-то играло радио, передавая новости о «героических действиях советских воинов в Афганистане» и «выполнении плана по сбору металлолома». Дмитрий поморщился, но промолчал.

— Я должен был исчезнуть, — сказал Виктор Иванович, когда они отъехали на приличное расстояние. — К.А. решил, что моя «смерть» сохранит каналы связи. Я работаю под чужим именем, в Ленинграде, в архивном отделе Академии наук. Но я слежу за вашей работой. Ваша записка по агропрому произвела впечатление. Горбачёв читал её дважды — мне об этом сообщили из его секретариата.

Дмитрий почувствовал, как внутри потеплело. Он сжал портфель, чувствуя, как бумаги хрустят под пальцами.

— Зачем вы вызвали меня? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал от волнения.

— Потому что пришло время для следующего шага, — ответил Виктор Иванович, глядя в окно. — Вы уже поняли, что одними записками систему не изменить. Нужны люди. Нужны кадры, которые через десять лет займут ключевые посты. Мы хотим, чтобы вы создали школу — неформальную, но реальную. Группу молодых специалистов, которые будут разделять ваши взгляды.

Дмитрий задумался, глядя в окно, где проплывали витрины гастрономов с пустыми полками, очереди за хлебом и женщина с авоськой, в которой лежала буханка чёрного хлеба и банка стужёнки. Он вспомнил, как в своё время работал наставником молодых программистов, как учил их не только коду, но и мышлению, как они собирались в маленьких офисах и обсуждали проекты до полуночи. Это было его призванием. Здесь, в этом мире, он мог сделать то же самое — только масштабнее.

— Это рискованно, — сказал он. — Если КГБ узнает, нас всех закроют.

— Поэтому всё должно быть легально, — терпеливо пояснил Виктор Иванович. — Вы будете вести курсы повышения квалификации, работать с аспирантами. Под видом подготовки кадров для народного хозяйства. Но внутри — вы передадите им свои идеи. Мы подберём людей, которые искренне хотят перемен. Не ради власти, а ради будущего. Мы уже присмотрели несколько кандидатов, но вы будете отбирать сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.